

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ¹ РАМКИ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Лемещенко Петр Сергеевич,

*заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики
Белорусского государственного университета, доктор экон. наук, профессор
(г. Минск)*

В статье через призму институционально-эволюционной методологии раскрываются объективная необходимость, условия, проблемы и инструменты их разрешения в процессе формирования Союзного государства Беларуси и России. Показано, что сегодня фиксируются институции, которые не только способствуют интеграционным процессам, но и явные противоречия и конфликты, вытекающие из внутренней природы обоих государств. Основным теоретическим инструментом и практическим методом адекватной во всех отношениях стратегии и тактики Союзного государства, как отмечается в статье, является институциональная матрица. Однако ее разработка требует аккумуляции не просто разрозненной экономической и правовой информации, что традиционно применяется в политико-экономической практике, а обширнейших знаний из разных сфер человеческой деятельности, объединенных одной фундаментальной теоретической конструкцией. Доказано, что в противном случае будут создаваться условия для политico-правового волонтаризма, подавляющего экономические тенденции и законы.

Лишь обращение к институтам объясняет известный парадокс бедности страны при изобилии природных ресурсов и вполне обеспеченную жизнь населения при крайне скромных их запасах

Активизация институциональной методологии и теории, пожалуй, вплот-

¹ Институт, институция – это сложившийся образ мышления и поведения людей, установленные в силу естественно-исторических традиций и обычая нормы, а также официально принятые и письменно оформленные правила и рамки, регламентирующие и направляющие разнообразную деятельность индивидов, социально-экономических и политических групп, фирм, общественных организаций.

ную подвинула к пониманию известной загадки капитала, почему последний более или менее успешно «работает» на Западе в незначительной части мира и почему $5/6$ населения земного шара живет в бедности на грани физического выживания. Чем, например, как не институциями, можно объяснить, почему Россия, занимая первое место в мире по разведанным природным ресурсам, имеет более чем скромный уровень социально-экономического развития, кстати, аналогичный уровню Беларуси, имеющей у себя лишь 4% используемых в своем хозяйственном обороте ресурсов.

Идея межгосударственной и региональной интеграции государств сегодня является крайне актуальной, поскольку, как показывают расчеты, достижение политico-экономической стабильности можно достичь лишь в рамках кооперативного взаимодействия 500 млн. человек. Иначе говоря, именно за счет такой емкости внутреннего рынка может успешно развиваться такое сообщество, обеспечивая минимизацию трансакционных издержек и расширенное воспроизведение ликвидацией границ и политической конкуренции. В этом смысле идея Союзного государства, СНГ и других интеграционных сообществ, безусловно, является верной.

Однако при строительстве Союзного государства мы, к сожалению, во-первых, «танцуем не от печки», поскольку останавливаем внимание первоначально лишь на формальных институтах — политике, политической воле, праве и пр. Последнее призвано обеспечить «хорошие законы», хотя мало кто сможет вразумительно

ответить на вопрос, а что такое «хорошие законы» и при каких условиях они будут соответственно «хорошо работать», например, на две страны или в рамках единого государства. Собственно, политico-правовой волонтилизм — это центральная проблема всех государств и объединений и в нашем таком ответственном процессе мы не являемся каким-то исключением. Во-вторых, не имея опыта ни практического, ни теоретического в институциональном строительстве нового типа объединения (!), мы, импортируя институты, крайне мало обращаем внимание на многие ментальные свойства населения и исторические традиции стран и регионов, а также присущие последним экономические законы и отношения (!). Но, установив неадекватные социально-экономическим отношениям политico-правовые формы, т.е. формальные институты, мы создаем условия для институционального конфликта, проявления которого могут быть самыми разными: от снижения доверия к власти до коррупции или, например, приобретающего огромные размеры теневого сектора. Стоит при этом заметить, что уровень коррупции в наших государствах уже начал беспокоить даже власти обоих стран, а размер теневого сектора оценивается на уровне 25-30 % от ВВП у нас в республике и примерно 40-45% в России, что также заставляет принимать неотложные меры или по легализации доходов, или же по ужесточению мер борьбы с этим явлением. Кстати, в конце октября текущего 2008 года уже озвучена на высоком уровне идея решения о легализации капитала и тайне банковских вкладов...

Обращаясь немного к истории, можно однозначно утверждать, что Российской империя, и Советский Союз распались как следствие данного противоречия. В-третьих, почти любая идея может быть воплощена в жизнь, если она находит поддержку не менее чем у 1/3 населения. Это при условии, что политики ведут честную игру, соблюдая лишь интересы своих стран, а не свои эгоистические. Опять-таки подчеркнем, что интересы весьма неоднородного по своему социально-классовому составу населения (!) должны быть исходными, первичными при проектировании формальных институтов. Конечно, при формальных опросах о возможности и необходимости объединения России и Беларуси мы получаем такую и даже большую поддержку граждан обоих государств. Но, с одной стороны, даже квалифицированное большинство мало себе представляет конкретное будущее такого союза, поскольку много неизвестных в этом уравнении: собственно теорией этого вопроса почти никто не занимался, да и не занимается по настоящему сейчас. С другой – если предложить населению при проводимых опросах еще и материально поддерживать, т.е. платить из зарплаты или других доходов за это новое межгосударственное образование, то наверняка эта доля не выйдет за 30%-ный предел. Такой вывод мы делаем потому, что блиц-опрос студентов и некоторых коллег о Союзном государстве показал, что абсолютное большинство лишь что-то слышало о нем. Вопрос, а с какими личными интересами вы связываете этот союз, по сути, остался без определенного инятного ответа. Из этого

следует, по крайней мере, два вывода. Первый – идея Союзного государства и практические мероприятия очень мало пропагандируются. А чтобы идея материализовалась, она должна овладеть массами. Говоря научным языком, она должна институционализироваться. И действительно, литературы на сей счет очень мало. Второй вывод обуславливает понимание практичности и целесообразности межгосударственного объединения, которая была бы доступна ну уж если не каждому, то, по крайней мере, думающему и активному человеку. Речь идет об эффективности деятельности нового института, которым является Союзное государство. Но, насколько нам известно, эти подсчеты пока не ведутся, а эффективность определяется по размерам союзного бюджета и количеству финансируемых проектов. Однако сразу заметим, что этого явно недостаточно. Критерий эффективности функционирования института Союзного государства лежит в плоскости соотношения индивидуальных и совокупных трансакционных издержек к тем выгодам, включая общественную полезность, которые приобретают от данного образования и его правил не просто народ, индивиды или хозяйствующие субъекты, а доминирующие социально-экономические классы и группы. Именно они, изменяя свою структуру, определяют интенсивность инноваций в каждый период времени.

Серьезная ошибка исследователей в области экономической истории и теории заключается в том, что они ведущим фактором экономического роста считают лишь ресурсы и разместить капитальных вложений. На са-

мом деле, ключевым условием развития и роста является институциональная структура и ее воздействие на стимулы не только к изобретениям и инновациям, но и к более эффективной организации производственного процесса, к уменьшению трансакционных издержек на рынках товаров и ресурсов, к созданию юридической системы для контроля над выполнением контрактов, к определению и защите прав собственности, и главное, к совершенствованию и расширению этих стимулов до широкого социально-культурологического контекста. Россия является ярчайшим примером тому, что можно иметь несметные богатства и испытывать экономические трудности. При таком подходе, следовательно, мы можем и не знать, как конкретно достичь желаемых результатов, однако, мы можем правильно подойти к разгадке, почему все же нам не удается этого сделать.

Институты выполняют роль «несущей конструкции» любого общественно-экономического образования и с них всегда начинаются трансформации системы, равно как и ее завершение. Поэтому как устройство, так и изменение, совершенствование социально-экономической системы предполагает в первую очередь обращение к ее институциональному устройству и функционированию. Показатели зрелости и развития институциональной системы стран, их рейтинг может убедить в том, что именно данные условия являются определяющими социально-экономических результатов их развития.

Глобализация и соответствующие проблемы мир-экономики также обусловлены возникновением особых

институтов, повлиявших на существенные изменения в мире и отдельных странах. «Нации конкурируют в основном в выборе альтернативных институтов или стратегии для стимулирования более быстрого экономического роста и повышения жизненного уровня... Конкурентоспособными являются те нации, которые выбирают институты и политику, способствующие долгосрочному росту» (см. Сакс Дж. Доклад по глобальной конкурентоспособности на Международном экономическом форуме в Давосе. http://ft_teltvision.com/today/stories/wef3.htm 20/04/98). Здесь мы добавим лишь то, что это делается за счет других стран, когда выгоды и издержки распределяются далеко непропорционально доле вклада в geopolитическое благосостояние... Понимание этого вопроса пока сводится к обсуждению двойных стандартов, к которым прибегают развитые страны, участвующие в создании современного миропорядка для всех остальных, но не для себя.

Однако, во-вторых, если обобщить основополагающие характеристики современной экономики с точки зрения ее стратегических перспектив и динамики, то она может быть определена не иначе, как «неустойчивая экономика». Первые ее проявления не только еще только кем-то прогнозируются, но и уже достаточно реальны ощущаются абсолютным большинством населения мира и нашей страны в том числе. Мы все являемся очевидцами и участниками крушения мировой денежно-финансовой системы. И самые «крупные теоретики» функционального толка, не пытаясь серьезно выяснить причины

и закономерности данного явления в силу сложившихся аналитических традиций, в лучшем случае посоветуют «не держать свои активы в одной корзине». На данном этапе парадокс обнаруживается уже в том, что по неведомой силе (?) еще бывший вчера актив (лат. «aktivus» – действенный) превращается даже не в пассив и не в пустую бумажку, как принято считать, а в документ, подтверждающий насколько твой труд и твое богатство на законном основании (!??) перераспределилось к другому собственнику. Ведь ничего не возникает из ничего и не исчезает бесследно... Если есть проигравшие, то, очевидно, что есть и выигравшие. И хотя об этом не принято говорить, ссылаясь на некий мифический кризис, в этом суть сложившейся экономики, когда современный человек вынужденно поставлен в условия функционирующей казино-экономики. А последняя по определению не может быть ни моральной, ни устойчивой, ни стабильной. К тому же она фиктивная и ее иногда называют виртуальной экономикой, в которой-то и показатели фиктивные и виртуальные. Для точного же анализа и прогноза они нуждаются в тщательной проверке и переоценке. Например, в ВВП, рассчитываемом по известной методике, почти половина составляют трансакционные издержки, которые отражают услуги по обслуживанию существующей экономической системы. И это не считая мифических услуг, обеспечивающих «демонстративное потребление» нового сформированного класса – мега- и поп-звезд, деятельности финансового сектора.

В-третьих, есть и другие проявления неустойчивости экономики. Са-

мым глубоким и масштабным среди них, пожалуй, можно назвать расхождение сфер отношений, интересов, объединяющих людей и делающих их единым сообществом людей, определенным типом цивилизации. Возникло острое противоречие между этическими нормами, которые во времена А. Смита, К. Маркса, А. Маршалла и Дж. Кейнса находились в органическом единстве, и утилитарно-экономическими мотивами рынка, нравственностью и эффективностью. «Потребление», от которого отталкивается рыночная доктрина, в переводе с английского (словарь Сэм. Джонсона) означает не что иное как «истощение, опустошение, разрушение». Получили самостоятельное движение политика и право, религия и наука, техника и культура. Вопрос, а какой идеал современного человека, чтобы к чему-то (?) стремиться, остается, пожалуй, самым фундаментальным вопросом не просто науки экономики, а науки о человеке. Капитал XXI в. сделал доминирующими те сферы, которые производят деньги из денег и обслуживают же эти процессы. Рентная мотивация, иначе говоря, выступает главной движущей силой движения финансово-денежного капитала, подорвавшей основы капитала как исторического феномена. Если сказать еще проще, то современный капитал реализует свое устремление к максимизации прибыли не за счет производства благ и услуг, как это было в эпоху развития промышленного капитала, а за счет спекулятивных операций и развития трансакционного сектора в целом. А для этого создал особый порядок из свода условий и правил, по которым финансовый кризис лишает

миллионы людей своих сбережений, а счет можно предъявить только к феноменологии рынка. «Невидимая рука» А. Смита превратилась в «грабящую руку» финансового капитала, который не только вышел из-под общественного контроля, но и сам навязал свой «порядок» остальным видам капитала и экономическим агентам. Под влиянием разных факторов современный капитал действительно существенно переродился. Он не делит уже самостоятельность и ответственность за свои действия, а предпочитает приватизировать доходы, позволяя национализировать своим странам и миру в целом возникающие издержки и другие негативные последствия.

Конкретным, необычайно сложным, но все-таки своеобразным и сильным инструментом теоретического анализа и, соответственно, формой влияния на политico-экономические отношения обеих стран выступает институциональное планирование. Оно включает в себя исследование и прогноз, деятельность и контроль, определение параметров поведения и коррекция институциональных изменений. Принципиальное отличие институционального планирования от директивного, таким образом, состоит в обеспечении децентрализованных решений при установлении общих институциональных рамок. Планируются не действия экономических предприятий или других агентов, а соответствующие структуры, обеспечивающие этим агентам и обществу в целом снижение издержек. Общественный прогресс и развитие обеспечивается в конечном итоге через «порядки» или институты.

Институциональное планирование,

как инструмент исследования, так и национального управления может использовать институциональную матрицу (см. рис. 1). Институциональная матрица представляет собой устойчивую систему однозначно взаимоувязанных системообразующих, экономических, политических и пр. институтов. Главная проблема в формировании такой матрицы заключается в разработке и создании такой институциональной структуры, которая бы отражала действительную реальность той или иной страны. Данная матрица позволяет сориентировать исследователя на: а) изучение структуры уже имеющихся институтов в стране. Расставив их в определенной последовательности по степени важности, можно выделить доминирующую силу и корректирующий ограничитель социально-экономической системы; б) ориентир новых институтов подталкивает к изучению процесса эволюционности, его механизма и процедуры; в) определение структуры новых институтов может зафиксировать на несовпадение "старых" и "новых" институтов. К тому же может оказаться, что в новой институциональной системе (в данном случае речь идет о новом государственном устройстве) определяющими выступят далеко не те, которые имелись в национальных системах; г) главная диагональ отражает институциональное равновесие. Здесь крайне важным компонентом является процедура управления институциональными изменениями.

Однако проблематичным для науки является структуризация и систематизация институтов. И вместе с тем, идет настойчивая наработка и по этому вопросу. В нашем подходе ин-

Институциональные рамки и условия развития союзного государства

ституты идеологии и собственности будут базовыми. Основная диагональ матрицы отражает состояние институционального равновесия как идеального состояния, к которому следует стремиться. Однако в переходный период существует еще противоречие «старых» и «новых» институтов, которое выражается в явной и неявной формах. Кроме этого есть противоречие институциональной структуры, например, Беларуси и России. Сопоставление же «белорусских» и «российских» институтов, представленных матрицей, позволяет формировать правильную совместную стратегию проектирования институтов, с учетом эффектов их инерции действия, разрушения и создания. Например, никто не будет отрицать, что «старое наследие» прошлого сопровождает современные отношения в двух странах, хотя, возможно, и в разной степени. Струк-

тура страновых институтов не обязательно должна совпадать по понятным причинам отличительных особенностей стран. Такая матрица упреждает типичную ошибку импорта институтов из одной страны в другую, которые неадекватны историческим условиям страны. Данная ошибка сопровождается ростом социальных и трансакционных издержек, что создает дополнительные трудности для осуществления реформ как в странах, так и при формировании союзов. В нашей республике (РБ) и других подобного рода транзитивных экономиках затраты на создание новых институтов пока превышают их полезный эффект. Скептикам предложим обратить внимание не на темпы роста ВВП, а на динамику производительности труда, уровень рентабельности, динамику цен, продолжительность жизни, в конце концов. Более того, эти новые формальные

Российские институты		Белорусские институты	
		Системообразующие: А), Б), В) ...	Производные, второстепенные, третичные и пр.: А), Б), В) ...
Системообразующие: А), Б), В) ...	a₁ b₁		Экономические: А), Б), В) ...
Производные, второстепенные, третичные и пр.: А), Б), В) ...		a₂ b₂	Политические: А), Б), В) ...
Экономические: А), Б), В) ...			Морально-этические: А), Б), В) ...
Политические: А), Б), В) ...			Переходные: А), Б), В) ...
Морально-этические: А), Б), В) ...			Формальные: А), Б), В)
Переходные: А), Б), В) ...			Метаинституты: А), Б), В) ...
Формальные: А), Б), В) ...			
Метаинституты: А), Б), В) ...			

Рис. 1. Институциональная матрица двух стран.

институты часто обособляются и реализуют интерес инициаторов институциональных изменений через изъятие институциональной ренты. Собственно, это и есть основа бюрократизма, имеющего, к сожалению, уже место и в ... новом Союзном государстве. В этом нет ничего удивительного и странного. Как заметил известный С. Паркинсон, если появляется новая властная структура, то она тут же имеет тенденцию к обособлению и удовлетворению своего интереса.

Далее. Как бы мы ни занимались риторикой о «социально-ориентированной модели развития» и «общенародном благе» следует достаточно прочно усвоить, что национальная социально-экономическая структура не является однородной и в будущем никак таковой не просматривается. У каждого класса, слоя, «элиты» есть свой интерес, свои затраты и результаты, критерии оценки эффективности своей деятельности и своих инициатив. Определение этих слоев и классов, формулировка их интересов, установление субординации между ними имеет крайне практический смысл, ибо позволяет установить движущую силу нынешнего экономического строя, найти оптимальную налоговую нагрузку и пр. Правда, какой это экономический строй? Какова его структура и каковы тенденции развития? Но ориентироваться просто на рынок даже социально-ориентированный без капитала, его технико-ресурсной основы и противоречивых последствий, мягко говоря, наивно и не прагматично.

Исследования на политico-экономическую тематику приводят к пониманию того, что в современной

мир-экономике «правят бал» институты в целом и международные в частности. И даже при крайне ограниченном национальном суверенитете для малой страны все же весьма важным является участие в формировании или выработке институциональной среды мир-системы. Это ориентирует на возможность присвоения части глобальной ренты. Институциональная конкуренция, таким образом, является в современном мире доминирующей в отличие от, скажем так, конкуренции на рынке пиццы, станков, машин или даже технологий. Есть и цена этого вопроса со знаком плюс или минус. Поэтому формирование такого нового института, Союзного государства, не может не настороживать мировую политическую «элиту», поскольку новое объединение может выступить серьезной конкурирующей силой на международном политическом рынке (!). К сожалению, именно рынке с его всеми коммерческими устремлениями и последствиями. И если новая институциональная единица заявит реально о себе на мировом политico-экономическом рынке, то тогда глобальной рентой придется делиться с этим новым структурным образованием. Напомним, что конкуренция на рынке товаров сегодня носит подчиненный характер по отношению к главенствующей политической конкуренции. В современной архитектонике geopolитики влияние данного союза, т.е. союза Беларуси и России как серьезного конкурента пока даже не просматривается...

Причин здесь несколько и это тема отдельного, сложного и непростого разговора. Принципиальной ошибкой, может быть мифом, является утвер-

ждение о том, что переход к рынку автоматически обеспечит экономический прогресс, рост и развитие. Если бы было все так просто, то индустриальные государства не нуждались бы ни в каких теориях развития, а развивающиеся страны уже давно бы разорвали порочный круг: бедность \Rightarrow низкая норма сбережений \Rightarrow слабая инвестиционная и инновационная активность \Rightarrow низкая производительность труда \Rightarrow низкие темпы роста \Rightarrow бедность. Как бы это кого сегодня ни шокировало, но не рынок был источником разделения труда и, следовательно, прогресса. Более того, изначально развитие мастерства также не зависит от рынка. Оно действительно предполагает специализацию подобно введению нового технологического процесса на современной фабрике, которая предписана «сверху».

Однако современное государство является слишком сложным институтом, чтобы, как и 200 лет тому назад, видеть лишь степень либерализма и экономической свободы, факторами роста и развития. Об этом сегодня пишется очень настойчиво, но, к сожалению, это не отвечает исторической истине. С другой стороны риторические заклинания о всемогуществе государства также являются малопродуктивными. Даже такие государственники как К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Немецкая идеология» видят, по крайней мере, три результата государственного управления: способствующее экономическому развитию страны, нейтральное и противодействующее. В этом направлении политico-экономическая мысль продвинулась вперед, включая в процесс развития все новые ас-

пекты влияния. Например, эконометрически доказывается, что на экономический рост и развитие влияют не столько запасы капитала, демократия или стабильность власти, но и семья, религия, идеология (!) и другие неэкономические факторы. Интересно исследование, в котором индекс Конфуция указывает на будущие перспективы развития той или иной страны (см. Hofstede G. Culture and Organizations. Software of the Mind. – L., 1992). Оказывается, если в государстве придерживаются учения этого философа, то страна имеет, следовательно, высокий индекс и, таким образом, высокую ориентацию на перспективное будущее: Китай – 118, Гонконг – 96, Тайвань – 87, Япония – 80, Индия – 61, США – 29, Великобритания – 25.

Экономическое развитие и рост в определенных институциональных условиях — это, прежде всего, результат расширения такой кооперации и обмена, при которых трансакционные издержки не увеличиваются. В переходных экономиках из-за разрушения (стихийного или целенаправленного) старых формальных институтов образовалась институциональная пустота, поскольку социальный капитал системы разрушился, а «плотность экономического поля» резко снизилась. Новые же институты для своего создания потребовали глубочайших знаний по закономерностям их планирования, проектирования и реализации, чего до сих пор наука не наработала. Можем предложить сравнить разного рода прогнозы и реальность в отношениях России и Беларуси, чтобы убедиться, что это скорее практическая, нежели теоретическая проблема.

К тому же формирование системы институтов сопровождается довольно значительными затратами (и времени тоже), психологических издержками от «перестройки» старой систему в новую. Отдача же от новой системы институтов имеет свой цикл, временной лаг и целевую направленность. «Институциональные пустоты» создают условия для резкого снижения социального потенциала, не позволяющего, в конечном счете, реализовать имеющийся производственно-технологический потенциал, например, рассматриваемых государств. Таким образом, кривая «институционально-социальных возможностей» SF (рис. 2) может выступать, с одной стороны, и препятствием реализации кривой производственных возможностей – PF, и с другой – расширять такой потенциал за счет создания новых «правил игры» в новом государственном образовании, основанных на специализации, кооперации и взаимовыгодном обмене научными идеями, технологиями, товарами.

Сегодня взаимовыгодному обмену между экономическими агентами двух

стран мешают высокие производственные издержки из-за низкой специализации, а также увеличивающиеся трансакционные издержки, порождаемые разными нормами и правилами ведения бизнеса, таможенной и другой политикой внешнеэкономических отношений. Следствием этого выступает низкая эффективность используемых факторов производства, не обеспечивающая высокотехнологичного прироста ВВП ни в Беларуси, ни в России. Иначе говоря, созданные новые институты (SF?), которые отражают систему производственных отношений, в долгосрочном периоде могут обеспечить рост и развитие совместной политики-экономической системы при тех же запасах физического и финансового капитала. Как показывает практика, требуется разработка способов, не просто методов взаимодействия государства и экономики на разных уровнях, а адекватной и непротиворечивой институциональной системы. Институциональные инновации, таким образом, это то базовое условие, которое закладывает фундамент для реального процесса социально-эконо-

Rh, производственный потенциал России

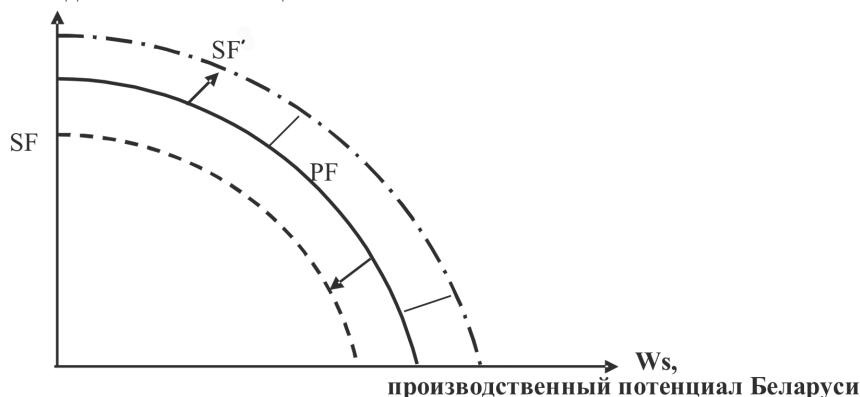

Рис. 2. Кривая производственных (PF) и социальных (SF) возможностей.

мической динамики. Как отмечается в «Докладе о мировом развитии за 2002 год» исследователями Всемирного банка, «...положительные зависимости между экономическим развитием и показателями институционального успеха зафиксированы повсюду» (см. Создание институциональных основ рыночной экономики / Пер. с англ. – М., 2002. – С. 9). Самостоятельной и крайне сложной проблемой является проблема установления связи между конкретными институтами и конкретными результатами в странах.

Решение этой проблемы предполагает следующее. Во-первых, необходимо четко представить параметры развития России, Беларуси и, конечно, совместного, включая промежуточные и итоговые, к которым относится отношения общности человека и его институциональная среда обитания. Во-вторых, нынешняя эффективная инновационная стратегия не может просто ориентироваться на некие новшества, которых может быть множество, а должна отражать содержание современного научно-информационного цикла. Ведь текущий экономический кризис это, прежде всего, кризис всеобщего глобального финансизма, материальной основой которого являются информационные сети. В-третьих, управление инновационным процессом предполагает классификацию инноваций по определенным критериям, влияющим по-разному на развитие (базовые или радикальные инновации, улучшающие, продуктовые, организационные, коммерческие и пр.). В-четвертых, институциональная система или подсистема, являясь основой развития хозяйственной системы в целом, име-

ет циклическую S-образную траекторию, отражающую разную степень трансакционных издержек и эффективности. В-пятых, институциональные изменения есть не что иное, как результат разрешения противоречия формальных норм и неформальных отношений, имеющих сложную процедуру взаимодействия. Иные же аспекты институционального сопровождения инновационного развития могут получить освещение в дальнейшей разработке теории планирования и проектирования институциональной динамики.

Однако покажем, что в реальности разработка данной теории наталкивается на многие исторические, психологические, политические, социальные и, конечно, экономические факты, закономерности и тенденции, которые требуют своего адекватного места при формировании рамок, выработке эффективных правил общего поведения для обоих государств. Оказывается, что при всей общности (+), которые объединяют жителей двух стран, существует немало принципиальных и не совсем существенных отличий (-). Иначе говоря, положительным в институциональном подходе по данной проблеме взаимодействия двух государств является то, что позволяет в полной мере проявиться диалектике общего, особого и единичного. Например, традиции, привычки, принципы, обычаи и подобные институты всеобщи по своей природе. Но в различных сферах деятельности, региональных образованиях это общее проявляется особым образом, а их конкретные носители и индивиды демонстрируют уникальные формы реализации. Речь идет не только об общей стратегии,

которая должна вырабатываться из общих свойств и характеристик, но и факторах, корректирующих поведение национальных политик.

Сделаем некоторые комментарии. Даная таблица построена на основе разных источников разных периодов.

Таблица 1. Общее и особенное некоторых институциональных свойств России и Беларуси.

Институциональные свойства	Общее	Особенное
Доминирующий тип социально-экономического мышления	+,- Патриархально-самодержавное	У Беларуси выше лояльность к формальному праву. У России – к традициям (старым и новым – клубным)
Дистанция к власти	+. Близкая (бизнес и население стремятся к патернализму)	
Отношение к власти (доверие)	+, -. Доверие к церкви доминирует	Разные институты имеют разный уровень доверия
Доступ к закону	+, -. Цена высокая	В России – цена выше? большой теневой сектор
Континuum индивидуализм-коллективизм	+. Предпочтение коллективизма	
Ценность личной свободы	+. Относительная	Индивидуальная свобода в шкале ценностей находится во втором десятке
Денежная мотивация	+. Не на первом месте	
Формально объявленная стратегия развития	+. (Инновационная)	– (Есть отличия в реализации, уровне НИОКР, следствии)
Рынок	+. Специфический, основан на простом утилитаризме	В России – кланово-феодальный (олигархический), в Беларуси – административно-бюрократический
Отношение «труд – капитал»	+. Неравнопартнерские, противоречивые; капитал социально безответственный, а труд – оппортунистический. Следствие – высокие трансакционные издержки, низкая эффективность бизнеса	
Отношения собственности	+. 1) Рост отчуждения работников от реализации собственности 2) Госуд. собственность не нашла своих политико-экономических форм	
Совпадение ментальности и интересов населения и политиков	+, -. И там, и там политика – это рынок, обмен	В Беларуси совпадение большее
Влияние религии	+. Высокое	Есть отличия в конфессиональной структуре
Ценности домохозяйств	+. Высокая ценность семьи как экономической, так и культурной единицы	
Стратегия капиталов	+, -	У России – рентоориентированный, в Беларуси – производительный со слабым коммерческим вектором (произвести – главное)
Уровень доверия среди предпринимателей	+. Низкий	
Уровень доверия населения к капиталу	+. Низкий, поведение оппортунистическое	
Экономическая эффективность систем	+. Крайне низкая.	У России производительность труда ниже чем в США в 4 раза, у Бел. – 75% от российской
Институциональная эффективность Союзного государства	??? Требуется обширная дополнительная информация	

теории сегодня уже сделаны. Имеются также и разной глубины анализа прикладные наблюдения. Но они касаются или отдельных общих проблем развития (но большие функционированием), или частные вопросы отдельных стран. Сравнительный же анализ — это дело крайне непростое и требует огромного массива информации с междисциплинарным подходом ее оценки и обобщения. Фактом же является то, что эти и другие институциональные параметры крайне важны для проведения эффективной стратегии и тактики строительства единого государства. Можно привести пример Ирландии, где, казалось бы, небольшие религиозные отличия уже многие десятилетия не позволяют прийти к общему знаменателю с политикой королевства Великобритании. Нельзя руководствоваться в таком процессе только экономическими параметрами, хотя последние и являются крайне важными. Но крайне важно понять экономистам, что в экономическом развитии (!) внеэкономические, т.е. институциональные факторы, в конечном счете, имеют доминирующее значение. В этом подходе раскрывается и загадка капитала в целом, в мире лишь два десятка стран попадают в разряд индустрально развитых, около двухсот влачат жалкое существование. Раскрытие же некоторых тайн современного капитала с учетом текущего финансового кризиса, пожалуй, уже дает ответы на вопрос, а все ли страны живут не только по своим средствам (ресурсам), но и по своему вкладу в мировое богатство — реальное и дутое, финансовое. Очевидным становится то, что созданная система международных институтов позволяет

извлекать, искусно перераспределяя, глобальную ренту, на что обращали внимание такие нобелевские лауреаты, как М. Алле, Дж. Стиглиц, П. Кругман и другие. Нельзя устойчиво и обеспечено жить, создав определенные правила поведения в мире, приватизируя лишь доходы и предлагая неучастникам строительства глобального пространства (мир-экономики — Ф. Бродель) национализировать издержки. Поэтому интегративные процессы Беларуси и России, имеющие технико-экономические и исторические основы и усиливающие в мировом сообществе политico-экономические конкурентные преимущества, нуждаются в грамотном институциональном оформлении и сопровождении. История свежа фактами быстрого роста многочисленных псевдоинститутов с неопределенными целями и функциями, которые могут воспроизводить только собственное существование. К сожалению, пока еще никто не проанализировал, какие же институты в Союзном государстве имеют перспективы и несут эффективный потенциал к развитию и экономическому росту этого сообщества, а какие лишь создают условия для паразитизма отдельных слоев или классов, а может даже и отдельных стран. Такие объединения и альянсы, как показывает практика, долго «не живут», а их существование сопровождается разного рода конфликтами между его участниками.

**Материал поступил в редакцию
25.02.2008**